

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВА

Я - САША!

16+

Елена Игоревна Александрова

Я – Саша!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41558173

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта история об удивительных и шокирующих возможностях человеческого сознания, но в то же время о его хрупкости и шаткости. Эта мистическая история о человеке, страдающем необычным психическим заболеванием, побочные действия от лечения которого нанесли собой еще больший вред, чем само заболевание.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	6
3	9
4	12
5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Часть первая

1

С самого детства я привык вести дневник, куда каждый день записывал свои действия и описывал свое состояние. Знаю, что данное занятие свойственно больше девочкам, чем мальчикам: обычно девочки своими обидами делятся с дневником, будто им становилось легче от этого. Вот запишешь все на бумагу, словно рассказала своей подруге, как тот, от которого так греется сердечко, посмотрел на другую девочку или хуже того, поцеловал ее. Это удел девчонок сопливить в своих личных дневниках, потом закрывать их на маленький замочек и прятать, чтобы никто не нашел и не узнал об их тайнах. Но как странно это ни звучало, дневник вел и я. Меня нельзя было отнести к меланхоличным натурам, которые любили прижаться к маминой груди, поплакаться и пожаловаться на то, как в школе их дразнят и обзывают. Наоборот, сверстники меня побаивались и сторонились. Нет, это не являлось проявлением уважения. Это было опасение, недоверие, незнание того, что происходит в моей голове и все ли с ней в порядке. Поддаюсь ли я обычной логической системе? Или же я какой-то ненормальный, который выходит из равновесия и способен нанести вред оп-

поненту? А как принято в нашем мире – люди боятся всего неизвестного, поэтому и реагировали на меня соответствующим образом. И все же вам, наверное, должно быть интересно, почему же я вел свой дневник? Я отвечу, что это не было моим желанием, мне приходилось это делать. Будучи ребенком, я своим корявеньким почерком корябал слова на листах дневника...

2

Лет 8 или 9 мне тогда было. Я только в этом возрасте начал запоминать историю своей жизни. Наверное, у всех людей так. До этого момента будто и не жили вовсе. Есть какие-то отрывки событий в голове, но непрерывная запись жизни на мозговую ленту памяти начинается примерно с этого возраста. У меня эта запись началась не с момента, когда я проснулся или пошел чистить зубы, а с середины дня; и до сих пор я не могу понять, какие именно действия послужили для этого. И по каким причинам именно это место и время стало отправной точкой, стало нажатием заветной кнопки «старт» на записывающем устройстве. Как сейчас помню, что была осень. Дожди. Противные затяжные холодные дожди. Октябрь...

В тот день ко мне приезжал врач. Вообще в детстве я был частым гостем у врачей, и они были частыми гостями в нашем доме. В отличие от остальных детей, я врачей не боялся. Я привык к постоянным уколам, обследованиям, к запаху медикаментов. Но в тот самый день ко мне пришел врач, не похожий на всех предыдущих. Такой огромный лысый мужчина с усами, но очень улыбчивый. Шутил постоянно. Конфетой меня угостил. Представился Великих Леонидом Васильевичем. Он был совсем другим, не таким как другие врачи. Он меня не осматривал, легкие не слушал, давление не ме-

рил. Задал несколько вопросов и отозвал моего отца поговорить в другую комнату. Я не слышал, о чем они беседовали, но после того, как Леонид Васильевич ушел, папа пришел ко мне в комнату с какой-то тетрадкой и ручкой. Отец был чем-то расстроен, но очень старался это скрыть за улыбкой. Но глаза врать не умеют. Я видел, что папа чем-то подавлен, но не стал ни о чем спрашивать. Я не был любителем задавать вопросы и тем более копаться в чужой душе.

Папа протянул мне тетрадь и попросил каждый день, каждые 4 часа одним словом охарактеризовывать мое самочувствие: отлично, хорошо, удовлетворительно. Но если же мое состояние хуже, чем удовлетворительно, в таком случае необходимо детально описывать, что именно я чувствую и что происходило со мной до этого. Я тогда не понимал, зачем это нужно, но беспрекословно начал выполнять просьбу отца. Та тетрадь как раз и стала моим дневником.

День за днем, месяц за месяцем, дневник за дневником. Сколько же их было, но ни один из дневников не оставался у меня после того, как заканчивался последний чистый лист. Я должен был отдавать заполненные дневники отцу. А так хотелось спустя несколько лет почитать, что же я в них писал. В памяти ничего ведь не оставалось. И в тот же день, когда произошло наше знакомство с доктором Великих Л.В., отец забрал мои документы из школы, и я продолжил свое обучение дистанционно, на дому. Некоторым предметам меня обучал отец, некоторым специализированные учителя. Я не

задумывался, почему так произошло, просто делал, как мне говорил мой отец. Возможно, он считал, что в школе мне делать нечего, что она не обязательна, всему можно обучиться и вне ее стен; и я поначалу думал так же, но со временем мое мнение поменялось. Ведь я был ограничен в общении, у меня и так в школе почти не было друзей, а перейдя на дистанционное обучение, их и вовсе не стало. Я погрузился в себя, в свое одиночество. Только я, отец и мои дневники.

3

Достигнув более сознательного возраста, а именно 15-ти лет, я понял, что со мной что-то не так; понял, почему ко мне так часто в детстве приходили врачи, почему меня лишили обучения в школе, а что самое важное, я узнал, зачем мне нужно было записывать каждый свой день.

15 августа 2003 года я, как обычно, с самого утра сидел за учебниками. В тот день готовился к экзамену по Истории, хоть я и учился на дому, но имеются стандарты для получения диплома об образовании, и их никто не отменял. Я погрузился в чтение полностью. Мне этот предмет был очень интересен, настолько, что я даже не заметил, как на улице стемнело. Я включил напольную лампу, чтобы она освещала мне мой стол. Я прочитывал страницу, за страницей, ничто не беспокоило, ничто не отвлекало, было спокойно и хорошо. Но через некоторое время меня потревожил резкий сигнал будильника, напоминавший мне о необходимости внести в дневник новую запись. Я давно уже придумал ставить будильник, как напоминание о дневнике, и никогда этот сигнал не раздражал меня. Но сейчас этот звук будто пронзил всю мою нервную систему; он пришел, словно внезапная зубная боль. Те, кто столкнулся с зубной болью, меня поймут. И все вокруг начало сводить меня с ума: Мои настенные часы стали так громко тикать, эта лампа такая никчемная, да-

ющая так мало света, шум ветра за окном, как же он меня раздражал. Все бесит, бесит. Меня всего начало трясти изнутри, бросало то в жар, то в холод. Раздражение сменилось страхом, диким страхом, точнее будет сказать паникой. Горло сжалось изнутри, мне стало не хватать воздуха. Весь шум, что меня окружал ранее, исчез; я ничего не слышал, совсем ничего, кроме моего бешеного сердцебиения. Казалось, что сердце вот-вот остановится. Я услышал шаги смерти. Кто-то или что-то шло за мной, чтобы присвоить мою жизнь и мою душу себе. Я вскочил со стула, начал метаться из угла в угол, пытаюсь найти место, в котором мне станет спокойно, но нигде этого места не было. Я уже ждал женщину в черном одеянии по имени «Смерть», чтоб она поглотила мою душу, мою жизнь, мое настоящее и будущее, но никакая женщина в черном не пришла, меня в одно мгновение поглотила пустая темнота... Она захватила мое зрение, мое сознание. Я ничего не мог видеть, все исчезло. Моя комната, мир в целом, все сущее поглотила темнота. Тело окаменело, я не мог подвигать ни рукой, ни ногой, ни пальцами. Да я даже моргнуть не мог. Через мгновение перед глазами одна за другой начали появляться и исчезать блестящие точки, похожие на звездочки на небосклоне. Эти звездочки сменились быстрыми покалываниями тоненьких иголочек по всему телу. Я словно перемещался в другой мир, а сейчас снова появляюсь здесь. Будто по кусочкам, по маленьким песчинкам собираюсь в одно целое. И в глазах, как мозаика начала появляться моя

комната.

Когда картинка по кусочкам полностью собралась, и я снова обрел зрение, несильная, но резкая боль обожгла мои руки. Обе мои руки до локтя были исполосованы длинными неглубокими слегка кровоточащими порезами. Меня накрыл шок и абсолютный ступор. В таком состоянии я и простоял какое-то время посередине комнаты, разглядывая свои расцарапанные руки и пытаюсь понять, что это было, и кто это сделал со мной. Но рационального объяснения я так и не смог найти, поэтому, как только пришел в себя, сразу пошел звонить своему врачу. По телефону я не хотел рассказывать ему о происходящем, сообщил только, что мне необходимо срочно с ним встретиться и поговорить. Договорились, что завтра он приедет ко мне, пока отец будет на работе.

4

Ну что ж, ночка выдалась кошмарной, никак не мог уснуть, постоянно ворочился. Вздрагивал от каждого скрипа полов, от каждого шороха. Боялся, что это снова может повториться. Начал засыпать только ближе к утру, когда начало рассветать, поспал всего часа 3 и проснулся. С нетерпением и дикой тревогой ждал приезда Л.В., даже не стал завтракать, кусок в горло не лез. Проводил отца на работу и уселся на диван, ожидая приезда врача. Я не мог ничем заниматься, меня не покидали воспоминания вчерашнего события. Запутанный клубок мыслей сидел в голове, не имея ни начала, ни конца. Я смотрел телевизор, нервно переключая с канала на канал. Мурашки ожидания покрывали все мое тело, даже знобило от волнения.

От сильного нервного напряжения, энергия совсем иссякла, и меня начало клонить в сон. Я решил прилечь ненадолго, надеясь, что это меня успокоит. Я задремал, но сон одарил меня своим присутствием ненадолго. Вскоре я проснулся. Посмотрел на часы, прошло всего полчаса, но состояние мое улучшилось, и я продолжил мучить себя ожиданием врача. Спустя еще полчаса раздался звонок в дверь, от чего сердце бешено заколотилось. Стало еще страшнее. В горле все пересыхало от волнения. Я поспешил открыть дверь и впустить гостя. На пороге стоял мой врач.

В отличие от меня, Л.В. был совершенно спокоен. Не спеша прошел в квартиру, не спеша снял свое пальто, снял свои черные кожаные ботинки так же не спеша; и находясь еще в коридоре, попросил меня сделать чай. А после одарил меня своей очаровательной улыбкой, и мне будто передалось его состояние: сердце вошло в свой обычный ритм, горло больше не сушило. Мне стало хорошо. Мы расположились с Л.В. в гостиной на диване, на котором я не так давно нервно сидел и долбил по кнопкам пульта. Но теперь все плохое ушло, и я готовился к изложению истории о своем вчерашнем перемещении в «темный» мир. Сделав глоток чая, я поведал врачу, по какой причине мне необходимо было так срочно с ним увидеться; рассказал, как вчера внезапно меня начала поглощать темнота, когда я сидел в своей комнате, готовясь к экзамену, показал царапины на руках. После того, как я закончил свой рассказ, врач выдержал паузу, сделал глубокий вдох и начал говорить. Его голос звучал настолько медленно, ровно и умиротворенно, будто он сказку читает на ночь маленькому ребенку, а не раскрывает страшную тайну диагноза. Я полностью погрузился в этот звук, будто мое сознание отключилось. Я перестал видеть, мог только слышать этот красивый, спокойный голос, который загружал в мою голову информацию. Мы беседовали на протяжении нескольких часов, и теперь я был в курсе, что за болезнь сидит во мне...

Чёрт, я узнал такое, что мурашки бегали по всему телу. Вы даже представить себе не можете, насколько это отвра-

тительно и гадко осознать, что у тебя с головой не всё в порядке, что ты не можешь жить обычной жизнью, как живут миллионы людей. Да ты даже не можешь просто находиться с этими людьми, так как несешь собой опасность для них. И нельзя предупредить эту опасность или как-то заблокировать, потому что ты не имеешь ни малейшего представления о ней. А порой непонимание действительности хуже самой сути происходящего, так как, ты не можешь себе помочь, если не понимаешь, что происходит. Насколько же отвратительно чувствовать себя сумасшедшим .... когда тебе всего лишь 15 лет. В середине разговора, когда открылась вся правда о том, что со мной не так, я готов был истерить, биться головой об стену, ведь я никогда не смогу вдохнуть жизнь полной грудью, я никогда никому не буду нужен. Если было бы лекарство от моей ненормальности, то меня давно бы уже вылечили. А это значит, что лекарства нет, и значит, что это навсегда. А кому будет нужен человек, который в любой момент сможет проявить вверх неадекватности? Я не буду подробно пересказывать весь наш разговор с врачом, скажу только то, что с его слов моя болезнь посещала меня с маленького возраста и уже не один раз. Но приступы, случившиеся со мной ранее, не оставались в моей памяти, поэтому на тот момент определить, что со мной происходит, было почти невозможно. Но определить было необходимо, так как со стороны выглядело это очень пугающе и мерзко. Например, мы с отцом шли по городской площади, я мог рез-

ко остановиться, начать истошно кричать, хватать любые рядом лежащие предметы и исцарапывать себе руки, лицо, мог свалиться на колени и начать биться головой об асфальт. В состоянии абсолютной растерянности мой отец стал водить меня по разным больницам, искал человека, который сможет мне помочь, но все лишь назначали кучу бессмысленных анализов, обследований разных частей тела. А когда получали результаты, разводили руками и отправляли домой, говоря, что я абсолютно здоров, и лечить нужно не меня, а моего отца, который придумывает своему сыну всякие болезни. Чуть позднее, когда приступы участились, и последствия стали наносить моему телу непоправимый вред, отец в отчаянии разместил объявление в местной газете с просьбой оказать помощь экстрасенсов, магов и т.п. На это объявление и откликнулся врач Великих Л.В. После первой встречи со мной, врач сразу построил курс лечения, состоящий из трех ступеней. Ступень первая: определение факторов раздражения, то есть необходимо было найти причины, служащие толчком для возникновения резкого отклонения в поведении; ступень вторая: устранение этих раздражителей и их последствий (приступов) и третья ступень: возвращение к обычной жизни, избавление от страха возврата болезни. Для первой ступени лечения и нужно было ведение дневников. Так как я не мог запоминать события, происходящие даже за несколько часов до приступа, мои записи в дневниках должны были служить вспомогательным материалом для врача.

Но позже выяснилось, что в моем случае не существовало никаких причин для возникновения приступов. Врачом было перечитано десятки моих дневников. Никаких закономерностей, никакой связи между приступами не было: ни временной, ни пространственной, ни температурной. Никакой зацепки. А наличие приступа врач определял с помощью отсутствия записи в то время, когда она должна была быть. И тогда Л.В. начал ждать, что мой мозг запомнит хоть один из приступов, начал ждать от меня звонка. И дождался. И как он мне сообщил, самый сложный этап был позади, ведь дальнейшие действия уже были определены. Следующая ступень лечения должна происходить с помощью введения меня в гипноз. Я должен был только выполнить несколько рекомендаций и пропить неделю какие-то препараты, которые сделали бы мое сознание податливым для вторжения в него и для передачи информации второму лицу.

5

На день второго этапа я возложил огромные надежды. Для меня это был второй день рождения, день воскрешения. Внутри меня трепетали бабочки, крылышками щекоча каждую клеточку моего организма. Я готов был взлететь к голубым небесам, к пушистым облакам. Я был настолько счастлив, ведь у меня появилась надежда на жизнь. Впереди меня ждало множество открытий, множество событий. Я смогу завести друзей, смогу гулять, смогу с кем-то разговаривать целыми днями и ночами. Да, это звучит странно для тех, у кого всё это есть. Да вы дураки, если не цените такие возможности. Нужно дорожить всем, что есть, иначе оно уйдет навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.